

18+

Элина Кинг

ФЕНИКС

КОД ОШИБКИ

Элина Кинг

Феникс. Код ошибки

«Издательские решения»

Кинг Э.

Феникс. Код ошибки / Э. Кинг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-687127-4

«Не просто апокалипсис. Не просто зомби. Это история о вирусе, который был задуман как спасение, и о людях, которые стали его лекарством. «В тихом подмосковном заповеднике, в сердце усадьбы «Лесные Дачи», под землёй скрывается секретная лаборатория «Вектор-М», где разрабатывают революционный вирус «Феникс». Он должен был стать оружием против любых болезней, но стал причиной конца света. Лика, ведущий микробиолог, мать двоих детей и диабетик, в день начала кошмара оказывается в эпицентре. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-687127-4

© Кинг Э.

© Издательские решения

Содержание

Тишина перед бурей	6
Воскресное солнце	6
Подземный собор	7
Бегство	9
Лес мертвецов	10
Хрупкий ковчег	12
Дорога в никуда	12
Стальные двери	13
Звонок в прошлую жизнь	15
Решение	17
Цена таблеток	19
Тени леса	19
Аптека «дар»	20
«Помогите... мы не укушены»	21
Лицо из прошлого	22
Пустота	24
Дорога назад сквозь пелену	24
Картина ада	25
Нисхождение	28
Кишки земли	28
Каменный мешок	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Феникс Код ошибки

Элина Кинг

© Элина Кинг, 2025

ISBN 978-5-0068-7127-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тишина перед бурей

Воскресное солнце

Утро в Усадьбе «Лесные Дачи» было таким, каким его задумывали архитекторы и ландшафтные дизайнеры: безупречным. Солнечный свет, преодолев легкую дымку, струился сквозь кроны вековых дубов и лип, играл бликами на идеально подстриженных газонах, ласкал стены восстановленного господского дома из красного кирпича. Воздух пах сосной, свежескошенной травой и дорогим кофе из буфета для туристов. Сюда, в тридцати километрах от МКАД, приезжали за тишиной, за глотком «настоящей России», за фотографиями на фоне беседок-ротонд и пруда с лебедями. Никто, гуляя по аккуратным аллеям, не догадывался, что прямо под их ногами, на глубине семиэтажного дома, бьется сердце совсем иной реальности.

В двух шагах от заповедной зоны, за высоким кованым забором, поросшим диким виноградом, стоял коттедж Лики. Не вычурный дворец, а уютный, умный дом из серого камня и теплого дерева, с панорамными окнами, смотрящими прямо в лес. Ее крепость. Ее тихая гавань после бесконечных смен в стерильном аду.

Ли́ка (а для мира – Ликатерина Сергеевна Орлова, ведущий микробиолог Центра особых патогенов «Вектор-М») стояла на кухне, прислонившись лбом к прохладному стеклу. В руке – глюкометр. На мини-экране высветилась цифра: 5.7. Норма. Выдох. Ежедневная маленькая победа над собственным телом. Она сделала укол короткого инсулина, ловко, на автомате, даже не глядя. Ритм. Порядок. Контроль. Это было ее мантрой и в жизни, и в работе.

Из гостиной доносились смех и музыка. Даша, двадцатилетняя дочь-студентка архитектурного, что-то горячо доказывала младшему брату, тыкая пальцем в планшет. Артем, десятилетний живчик с взъерошенными вихром волосами, отбивался: «Да это же кринжовый дизайн, Дашка! Смотри, как у меня в Fortnite!»

«Не Fortnite, а в Fortnite, невежда, – поправила его сестра. – И вынеси, кстати, ведро. Оно твое, дежурное».

«Ли́ка! – донесся голос мужа из кабинета. – Ты уверена, что тебе надо сегодня? Могли бы все вместе поехать на озеро».

Андрей. Ее Андрей, IT-архитектор, который мог дистанционно проектировать системы для банков, но не мог уговорить детей убрать носки. Он ненавидел ее дежурства по выходным. Не понимал, что именно в эти дни, когда начальства нет, в лабораториях царит особая, почти медитативная тишина, идеальная для анализа данных.

«Уверена, – крикнула она в ответ, ставя чашку в мойку. – Эксперимент на культуре клеток. Контрольные замеры. К вечеру вернусь. Обещаю».

Она заглянула в гостиную, поймала взгляд Даши – умный, насмешливый, как у нее самой. «Приберусь тут, мам. Не волнуйся». Артем, уже с ведром для мусора в руках, прошептал: «Привези что-нибудь из столовой? Шоколадку из того автомата?»

«Посмотрим, – улыбнулась Ли́ка, поправив ему волосы. – Слушайте папу. И... берегите друг друга». Фраза вырвалась сама собой, привычная, но сегодня от нее на мгновение стало холодно.

Она проверила сумку: ноутбук, паспорт, пропуск, шприц-ручка с инсулином, запасные картриджи, глюкометр, тест-полоски, пачка соков, орехи. Ее «тревожный чемоданчик» на случай гипогликемии. Без этого – никуда. Ни в жизнь, ни в апокалипсис.

Подземный собор

Дорога до проходной Центра занимала семь минут неспешным шагом через заповедник. Пение птиц, шелест листьев. Идиллия. Проходная была стилизована под старинную караулку, но за дубовыми дверями скрывался сканер сетчатки и суровый охранник в форме частной службы безопасности.

«Доброе утро, Ликатерина Сергеевна. Дежурная смена уже на месте».

Она кивнула. Лифт, плавное, почти неслышное движение вниз. Минус пять этажей. Тихий щелчок. Двери разъехались, открыв длинный, ярко освещенный белый коридор. Воздух здесь пахл иначе: стерильной чистотой, озоном и едва уловимым запахом... тревоги? Нет, ей показалось. Это пахла ее память. Память о ночах над микроскопом, о пробирках с мутноватой жидкостью под грифом «Феникс».

«Феникс». Проект возрождения иммунитета. Теоретически – прорыв. Вирус на основе модифицированного вектора, способный доставлять в клетки «инструкции» по борьбе с любыми известными патогенами. Практически – игра с огнем в пороховом погребе. Лица всегда это чувствовала. Вирус был слишком умен, слишком изменчив в лабораторных условиях. Но заказы и финансирование шли от структур, близких к Министерству обороны. Вопросы «а что если» здесь не приветствовались. Главное был результат.

В основной лаборатории четвертого уровня биологической безопасности (ББ4) царила тишина, нарушаемая лишь гулом систем вентиляции и тихим писком приборов. За пуленепробиваемым стеклом изоляторов, в сизватом свете ламп, копошились подопытные приматы. Сегодня они были странно апатичны.

«Ликатерина Сергеевна, доброе! – Молодой ассистент, Игорь, с лицом, не знавшим бритвы, поднялся от монитора. – Культура „Феникса-7“ в инкубаторе. Показатели стабильны. Но есть кое-что по приматам... Температура, вялость».

Лица нахмурилась, подойдя к терминалу. Данные потоком бежали по экрану. Все в пределах нормы. Слишком в пределах. Как застывшая картинка.

«Берем повторные анализы. Полный спектр. И... – она колебалась секунду, – запускаем протокол „Тишина“. Полную изоляцию модуля. На всякий случай».

Игорь удивленно поднял брови. «Протокол „Тишина“? Это же...»

«Я знаю, что это. Выполняйте».

«Тишина» означала герметизацию всего исследовательского модуля на 72 часа, отмену всех контактов, внешних и внутренних. Паника. Проверки. Но что-то щелкнуло внутри нее, тот самый звериный инстинкт, который она годами подавляла ученым рационализмом.

Они работали молча, слаженно. Лица в скафандре позитивного давления («скафандр химзащиты, но все называли его «космическим») вошла в шлюз модуля. Гул системы, шипение воздуха. Внутри было тихо. Слишком тихо. Обезьяны не реагировали на ее появление. Одна, самка макаки, лежала на боку, уставившись стеклянными глазами в потолок. Из ноздрей – тонкая струйка сукровицы.

Адреналин ударил в виски. Она быстро взяла мазки, пробы крови автоматическим пробоотборником. Руки действовали сами, годами наработанные движения. Но внутри все кричало. Когда она повернулась, чтобы выйти, ее взгляд упал на Игоря, стоявшего за стеклом. Он что-то говорил в трубку внутренней связи, его лицо было бледным. Он показывал на свой локоть. На рукаве халата, прямо над перчаткой, темнело маленькое, почти незаметное пятнышко. И порез на резине перчатки. Крошечный, но...

Лица замерла. Ее мозг, запрограммированный на оценку рисков, выдал мгновенный расчет: Игорь сегодня утром менял подстилку у приматов. До введения протокола «Тишина». Перчатка могла порваться... Контакт с биоматериалом возможен.

«Игорь, – ее голос, искаженный микрофоном в шлеме, прозвучал хрипло. – Твой локоть. Пятно. И порез. Выходи немедленно. Проходи в дезкамеру А-3. Полный санитарный цикл. Сейчас же».

Он кивнул, но в его глазах читался не страх, а скорее раздражение. «Да ладно, Ликатерина Сергеевна, царапина. Я уже обработал...»

«**НЕМЕДЛЕННО, ИГОРЬ!**» – крикнула она так, что он вздрогнул. Через стекло было видно, как по коридору прошел другой сотрудник, техник Саша, пошатываясь, будто пьяный.

Игорь, бормоча что-то под нос, направился к дезкамерам. Лица вышла из шлюза, сердце колотилось. Она сбросила скафандр по ускоренному протоколу, руки дрожали. Нужно было связаться с начальством, с санитарным врачом...

Громкий, резкий звук сирены, прерывистый, тревожный, разрезал тишину. Красный свет замигал по всему периметру. Голос из динамиков, металлический, бесстрастный: «Аварийная ситуация в модуле Б-2. Протокол „Караван“. Автоматическая герметизация».

«Караван». Полный карантин. Никто не входит, никто не выходит. Предаварийный режим.

Лица бросилась к монитору наблюдения за модулем Б-2. Это был соседний блок, где хранились архивные образцы. На экране было видно, как внутри, в полумраке аварийного освещения, двигались фигуры. Они набрасывались друг на друга. Молча, без криков, с неестественной, дерганой силой. Одна фигура, в разорванном халате, – это был Саша-техник, – уткнулся лицом в шею другой... и дергал головой.

Лику вырвало. Судорожно, прямо на белый кафель пола. Диабет, нервы, адреналин – уровень сахара в крови пополз вниз. Трясущимися руками она достала сок, отхлебнула. Сладость обожгла горло, но мысли прояснились на секунду.

Игорь. Где Игорь?

Она побежала к дезкамерам. Дверь в А-3 была закрыта. Сквозь круглое глазок она увидела его. Он сидел на скамье, скрючившись, и тряся. Конвульсивно, всем телом. Из рта текла пена, розоватая от крови. Он поднял голову. Его глаза... Белки были залиты темно-красными лопнувшими сосудами, зрачки неестественно расширены. Он уставился на глазок. И встал. Не как человек, а как марионетка, которой дергают за невидимые нити. Он пошел к двери. Медленно. И начал биться в нее головой. Тупо, ритмично. Тук. Тук. Тук.

Отступая от двери, Лица наткнулась на терминал. На экране мелькали сообщения из других модулей, с верхних этажей. «Неизвестная агрессия...», «Персонал атакует...», «Охранники... не реагируют на команды...». И последнее, что заставило кровь застыть в жилах – сообщение с КПП: «Нарушение периметра. Массовое проникновение. Они... они везде. Стреляют... О, Боже...» – обрыв.

Бегство

Сирена выла непрерывно. Лику трясло. Гипогликемия накладывалась на шок. Дети. Андрей. Дом. Мысль билась, как птица о стекло. «Караван» уже действовал. Гермодвери на всех выходах должны были захлопнуться. Но была лазейка. Аварийный тоннель для эвакуации образцов. Старая, никому не нужная ветка, ведущая в старую котельную на окраине заповедника. О ней знали единицы.

Она побежала, пошатываясь, к запасной лаборатории. Код от сейфа – дата рождения Даши. Дрожащие пальцы едва могли попасть по кнопкам. Внутри – не образцы вируса, нет. Ее личный НЗ. Упаковка энергетических гелей, фонарик, складной нож (подарок Андрея, «на всякий пожарный»), Power Bank. Она все запихнула в сумку. И последнее – шприц с глюкагоном, «спасение» от тяжелой гипогликемии. Уколола инсулин, съела три геля подряд. Тело начало слушаться.

В коридоре было пусто, но слышались звуки. Приглушенные крики. Удары. Влажный хруст. И тот самый низкий, хриплый стон, который уже никогда не выкинешь из головы. Он доносился из-за угла.

Лица прижалась к стене, затаила дыхание. Из-за поворота выползла... фигура в форме охранника. Нога была вывернута под невозможным углом, и он волочил ее за собой. Шея была разорвана, из раны что-то свисало. Но он двигался. Его голова повернулась, мутные глаза скользнули по стенам, по полу... и остановились на ней.

Он зарычал. Звук, идущий не из горла, а из самой глубины грудной клетки. И пополз к ней быстрее, отталкиваясь руками и одной ногой, как страшное, разбитое насекомое.

Лица вскрикнула и рванула прочь, к двери с табличкой «Технический колодец. Вход воспрещен». Код все тот же – день рождения сына. Дверь открылась со скрипом. За ней – узкая металлическая лестница, уходящая вниз, в сырость и темноту. Она влетела внутрь, захлопнула дверь, нашла тяжелый засов и задвинула его. Сразу же в дверь что-то ударило. Раз. Другой. Металл прогнулся.

Не оглядываясь, она помчалась вниз. Фонарик выхватывал из мрака ржавые трубы, паутину, следы крысиных лап. Она бежала, спотыкаясь, плача от ужаса и беспомощности. Тоннель. Вагонетка на рельсах. Она вскочила в нее, отчаянно дернула рычаг. Раздался скрежет, и вагонетка тронулась, набирая скорость в полной темноте. Позади, в глубине тоннеля, еще долго слышался тот мерзкий, влажный стон.

Лес мертвецов

Вагонетка вынесла ее к люку, заваленному сухими ветками. Она вылезла, царапая руки, и вдохнула полной грудью. Воздух. Настоящий, лесной. Но он был испорчен. Теперь в нем чувствовалась гарь. И тишина. Та самая, мертвая тишина, когда не поют птицы.

Она была на задворках заповедника, в двух километрах от дома. По прямой, через лес. Лика побежала. Ноги подкашивались, в глазах темнело от перепада сахара. Она жала на глюкометр, не останавливаясь. 3.8. Низко. Съела еще гель.

Лес, прежде дружелюбный, стал враждебным. Каждый шорох заставлял оборачиваться. И вот она увидела первого. Пожилая женщина в растерзанном домашнем халате и тапочках брела по тропинке. Она шла, переваливаясь, голова неестественно запрокинута. Из рта сочилась черная жидкость. Лика замерла за деревом. Женщина прошла мимо, не реагируя. Она что-то искала. Кого-то. Лика побежала дальше, обходя ее стороной.

Потом их стало больше. Они бродили между деревьями, медленные, неуверенные. Некоторые были ранены, искалечены. Один мужчина в костюме делового человека, но с вывернутой набок челюстью, стоял, уткнувшись лбом в ствол березы, и тихо стонал. Лика поняла – они реагируют на звук, на движение. Она двигалась, как тень, от дерева к дереву, замирая, когда кто-то из них приближался.

Выбежав на опушку, она увидела свой поселок. И ад.

На главной дороге горели машины, столкнувшиеся в страшной пробке. Слышались редкие выстрелы, крики, уже человеческие, полные ужаса. Фигуры сновали между домами. Некоторые окна были разбиты. Откуда-то доносился вой сирены, но он быстро затих.

Ее дом. Их дом был в глубине тупика, у самого леса. Казалось, нетронутым. Лика перелезла через задний забор соседей, пролезла через дыру в живой изгороди и оказалась на своем участке. Бассейн. Качели. Игрушечный грузовик Артема. Мир, который был еще утром.

Она подбежала к террасе. Дверь была заперта. Она стала колотить в стекло.

«Андрей! Даша! Тема! Откройте! Это я!»

В доме что-то упало. Через секунду в проеме двери возникло испуганное лицо Андрея. Он дико смотрел на нее, затем щелкнул замком.

Лика ворвалась внутрь. Андрей схватил ее, прижал к себе. «Боже правый, Лика... Что происходит? По телевизору одни крики... Потом свет погас... По улице... они ходят...»

Она не могла говорить. Только тряслась.

«Мама!» – Даша выбежала из гостиной, бледная, с телефоном в руке. «Нет сети совсем! Ничего не работает! А за забором... я видела, как мистер Иванов от соседей... он набросился на почтальона...»

«Где Артем?» – выдохнула Лика.

«Здесь, – тихо сказал мальчик, спускаясь по лестнице. Он был бледен, но держался. В руках – его рюкзак-копилка „на велик“, туго набитый. И кухонный тесак, который он держал неумело, но решительно. – Я собрал вещи. Как ты учила. На случай пожара».

Лика посмотрела на них – на мужа, который пытался понять, на дочь, которая пыталась не сломаться, на сына, который уже был готов к бою. Ее семья. Ее ответственность. Ее вина?

Она отстранилась от Андрея, посмотрела в окно. На улице, у их калитки, уже собралось несколько фигур. Они медленно, настойчиво толкались в ворота. Их стон, тот самый, ледяной и бездушный, начал наполнять тишину их идеального дома.

«Слушайте меня, – сказала Лика, и ее голос, к ее удивлению, звучал твердо. – У нас есть минут пятнадцать. Потом они сломают калитку. А потом забор. Мы уходим. Сейчас. Берем только то, без чего нельзя выжить. Еду, воду, теплые вещи, лекарства. Всю мою диабетическую аптечку. И... оружие».

Андрей смотрел на нее, и в его глазах медленно гасли последние огоньки прежнего, понятного мира. Он кивнул. «Куда?»

Лица посмотрела на восток, туда, где за лесом и полями должно было проходить новое, недостроенное шоссе. Туда, где не было людей. А значит, пока не было и них.

«Прочь отсюда. Пока не поздно».

Хрупкий ковчег

Дорога в никуда

Бегство из дома было смутным, кровавым кошмаром. Они выскользнули через черный ход в гараже, пока «гости» у ворот с глухим стуком раскачивали калитку. Артем прижал к груди сумку с лекарствами и своими сокровищами – фотоальбомом и стареньким Nintendo Switch. Даша несла рюкзак с едой и водой, ее лицо было каменной маской. Андрей, вооружившись монтировкой и охотничьим ножом (легальным, для красоты, и теперь – для ужаса), шел первым, прокладывая путь через задний двор к глухому забору.

Лику была мелкая дрожь. Она не от страха – хотя его было с избытком. Уровень сахара вновь падал, предсказуемая реакция организма на адреналин и физическую нагрузку. Она жевала очередной энергетический гель, и сладковатая, приторная масса казалась ей пеплом.

Они перелезли через забор, упав в сырую канаву за ним. Лес здесь был дичее. Их машина, верный минивэн, стоял у гаража, но дорога к нему была отрезана. Пришлось идти пешком, держась опушки, прячась в кустах при каждом шорохе или отдаленном крике.

Они шли часа два, двигаясь на восток, как и решили. Поселок остался позади, сменившись дачными массивами, потом полями. Картина была везде одинаковой: тишина, нарушаемая взрывами пламени или автосигнализациями, застывшие в пробках машины, одинокие или группами бродящие фигуры. Один раз им пришлось спрятаться в полуразрушенном сарае, пока мимо, по проселочной дороге, прошагала целая процессия из десяти-пятнадцати... существ. Они шли, волоча ноги, с равнодушным упорством скотины, идущей на водопой.

«Куда мы идем, Лика?» – хрипло спросил Андрей, когда они снова двинулись в путь. Его рука, державшая монтировку, была в белых костяшках.

«Есть место, – выдохнула она. – Старый объект ГО. Зброшенный командный пункт РВСН еще с советских времен. Мы с коллегами как-то обсуждали его на случай... ну, на случай гражданской обороны. Координаты есть. Он в пяти километрах отсюда, в лесу за старым полигоном».

«Обсуждали? Значит, другие тоже могут там быть?» – в голосе Даши прозвучала надежда.

«Могут, – сказала Лика, не добавляя, что боится этой встречи больше, чем встречи с бродягами в поле. Кто выжил из «Вектора-М»? И что они принесли с собой?

Артем вдруг остановился и указал в небо. «Смотрите!»

Высоко, почти в зените, серебряной стрелой пронесся истребитель. Затем еще один. Их рев разорвал тишину. На миг в груди вспыхнул огонек – армия! Порядок! Но самолеты, не делая ни единого выстрела, скрылись за горизонтом, направляясь куда-то на восток. Этот безмолвный, стремительный пролет был красноречивее любых слов. Ситуация вышла из-под контроля. Шли бои за что-то важное, а их крошечная жизнь здесь, на земле, никого не интересовала.

Стальные двери

Объект нашли ближе к вечеру. Скрытый в глубине соснового бора, он представлял собой заросший холм с массивными, покрытыми ржавчиной и граффити стальными дверьми, уходящими в землю под углом. Рядом – развалины казармы, сожженный УАЗик. Но сами двери были целы. И, что важнее, на них висел современный кодовый замок, а рядом – глазок камеры.

Андрей осторожно подошел ближе. «Кто здесь? Мы мирные! Семья! У нас ребенок!»

Минуту ничего не происходило. Затем раздался скрежет железа, и одна из дверей с шипением гидравлики приоткрылась на несколько сантиметров. Из щели блеснул ствол автомата и пара настороженных глаз.

«Кто вы? Откуда? Болен кто? Укушен?» – голос был мужским, молодым, но измотанным.

«Мы из „Лесных Дач“! – крикнула Лика, выходя вперед. – Я сотрудник „Вектора-М“. Ликатерина Орлова. У меня двое детей, муж. Мы не укушены. Я... я диабетик. Мне нужна помощь».

За дверью послышался приглушенный разговор. Ствол дрогнул, но не опустился. «„Вектор-М“? Черт... Ладно. Быстро, по одному. Сначала дети».

Даша и Артем, пригнувшись, проскользнули внутрь. За ними – Андрей. Лика шла последней, чувствуя на себе пристальный взгляд из темноты. Дверь захлопнулась за ней с тяжелым, окончательным звуком. Их окутала прохлада, запах масла, пыли и... человеческого пота.

Они оказались в небольшом шлюзе. Перед ними стояли трое: молодой парень в камуфляже и с автоматом Калашникова (видимо, тот самый со стволом), женщина лет сорока в спортивном костюме с перекошенным от напряжения лицом и пожилой мужчина в форме старого образца, без погон, но с прямой выправкой.

«Майор в отставке Стрельцов, – отрывисто представился старший. – Это мой объект. Вернее, был. Теперь здесь мы. лейтенант Жуков, – кивок на парня с автоматом, – и Ирина, медик из местной поликлиники». Медик бегло осмотрела их: «Раздеться по пояс. Осмотр на предмет укусов».

Осмотр был унижительным, но быстрым и профессиональным. Ирина кивнула Стрельцову. «Чистые. Девочка в шоке, мальчик держится. У женщины действительно диабет – следы инъекций, аппарат».

«Как вы здесь оказались?» – спросил Андрей, натягивая футболку.

Стрельцов тяжело вздохнул. «Я здесь сторожем был. От предприятие. Жуков – срочник, сбежал из части, когда там началось... это. Ирина – она сюда прибежала, когда в поселке поликлинику разгромили. Мы тут трое суток. Связи нет. Электрогенератор на солярке есть, воздух фильтруем. Запасы на месяц, если экономно».

Он провел их вглубь. Убежище, построенное на совесть, представляло собой лабиринт помещений: дизельная, комната фильтров, казарма на двадцать коек (пустых), склад с консервами и водой, санузел и даже небольшой командный пункт с вышедшей из строя аппаратурой. Это была железная womb, утроба, спрятавшая их от безумия снаружи.

Даша и Артем, увидев относительно чистые койки, рухнули на них почти без сил. Андрей сел рядом, обняв обоих. Лика же почувствовала не облегчение, а новую, острую тревогу. Она подошла к Ирине.

«У вас есть инсулин? Хотя бы короткого действия? У меня... осталось на два дня. Три, если растянуть».

Ирина отвела ее в импровизированный медпункт – стол, застеленный чистой простыней, с двумя аптечками. «Смотри сама».

Лица перерыла все. Антибиотики, бинты, обезболивающее, сердечные капли. Единственный флакон инсулина, уже начатый, почти пустой. Человеческий, короткого действия. Не ее тип. И срок годности истекал через неделю.

«Это все?»

«Это все, что я успела схватить с разгромленного склада. Диабетиков в поселке было двое, они... они не дошли сюда».

Легкая тошнота подкатила к горлу. Без инсулина ее ждала медленная, мучительная смерть. Кетоацидоз. Кома. В мире, где царил вирус, она была приговорена собственной поджелудочной железой.

Звонок в прошлую жизнь

Вечером, при тусклом свете аварийных ламп, они сидели за столом, деля тушенку и галеты. Жуков, лейтенант, оказался разговорчивым под воздействием общего стресса.

«У нас в части... это началось с собак. Псы на конуше сошли с ума, покусали двоих. Через час те встали и пошли кусать остальных. Командир приказал стрелять. Стреляли... но их было уже больше нас».

Он говорил, а Лика думала об инсулине. Ее глаза металась по карте местности, висевшей на стене КП. Ближайшая аптека – в поселке «Солнечный», в трех километрах. Там же была и маленькая поликлиника. Но поселок был крупнее их дачного, значит, и опаснее.

Андрей, наблюдавший за ней, тихо спросил: «О чем думаешь?»

«Мне нужны лекарства. В поселке».

«Ты с ума сошла? Там же...»

«Я знаю, что там. Но альтернатива – наблюдать, как я медленно угасаю здесь, в безопасности. Ты готов к этому?»

Он сжал кулаки, но не стал спорить. Он знал ее упрямство. И правду ее слов.

Вдруг Жуков оживился. «Эй, старичок! Кажется, ловит!»

Майор Стрельцов копался у старой, ламповой радиостанции. Из динамика на столе несся шипящий белый шум. И вдруг... сквозь него пробился сдавленный, прерывистый голос: «... всем... выжившим... Говорит пункт... в Домодедово... Оборудуется зона безопасности... Держитесь... избегайте скоплений...»

Голос пропал, снова заглушенный шумом. Но это было что-то. Армия пыталась что-то организовать. Значит, государство еще дышало. Эта крошечная искра надежды обожгла сильнее любого страха.

«Папа, мама, – тихо сказала Даша. – А бабушка с дедушкой? В Туле... Как они?»

Лика и Андрей переглянулись. Родители Андрея, милые, немолодые уже люди, жившие в старом доме на окраине Тулы. Связь молчала уже больше суток. Лика видела, как сжимается сердце мужа. Он был образцовым сыном, звонил им каждые два дня.

«Рация не телефон, дочка, – грубо сказал Стрельцов. – Голосовых сообщений не передашь».

Но Жуков вдруг оживился. Он полез в свой вещмешок и достал потрепанный, но современный спутниковый телефон. «Отобрал у одного „делового“ в первые часы. Батарея почти села, но... попробовать можно. Иногда ловит, если найти место повыше. На крышу выхода можно забраться».

Андрей схватил телефон, как утопающий соломинку. Его руки дрожали. Он ввел давно заученный номер. Все замерли, слушая длинные гудки, смешивающиеся с шипением эфира. Лика молилась про себя, не зная, кому. Пусть трубку не возьмет тот... низкий голос. Пусть возьмут они.

Гудки оборвались. В трубке послышался шум, скрежет, и затем – тонкий, испуганный, но такой живой и родной голос: «Алло? Алло? Андрюша, это ты?»

Андрей не мог вымолвить ни слова. Он только прижал телефон к уху и закрыл глаза, по лицу его потекли слезы.

«Мама... – наконец выдохнул он. – Вы... вы живы? Папа?»

«Живы, сынок, живы, – голос на другом конце прерывался от слез. – Сидим в подвале, забили все. На улице... ох, Господи... они ходят. Слышим их. Но к нам не лезут пока. Есть у нас немного, консервы, картошка из погреба... А вы? Дети? Лика?»

«Мы... мы вместе. Мы в безопасности. Пока. – Андрей посмотрел на Лику, и в его взгляде была вся боль мира. – Держитесь, мам. Держитесь, пожалуйста. Мы... мы как-нибудь доберемся. Или вас эвакуируют».

«Не беспокойся о нас, старики мы, – в голосе матери послышалась привычная, стоическая твердость. – Вы берегите детей и друг друга. Слышишь? Берегите Лику. Она у тебя... золото».

Разговор длился меньше минуты. Батарея телефона мигнула красным и погасла. Связь с прошлой жизнью, короткая и мучительно-сладкая, оборвалась. Но они были живы. Это знание было и благословением, и проклятием. Теперь у них была не абстрактная цель «выжить», а конкретная, невыносимо тяжелая – «добраться до Тулы».

Лику подошла к мужу, обняла его за плечи. Он был тверд, как скала, но дрожал мелкой дрожью.

«Спасибо, – прошептал он ей на ухо. – Спасибо, что мы с тобой. И с ними».

Решение

Ночью Лика не спала. Она сидела на своей койке, глядя на спящих детей, на мужа, который ворочался в кошмарах. Она держала в руках почти пустой шприц-ручку. Завтра – последняя полная доза. Потом – растягивание остатков, риск гипергликемии, срыв, кома. Она станет обузой. Слабым звеном. В этом новом мире слабых не жалеют – их бросают, чтобы спасти сильных.

Ирина, медик, спала неподалеку. Лика тихо подошла к ней и тронула за плечо. Та вздрогнула, села.

«Я пойду, – тихо сказала Лика. – В поселок. За лекарствами. Сегодня. Пока еще светло. Мне нужна твоя помощь – написать, что именно искать. Все, что связано с диабетом. И... научить меня основам, если найду не тот инсулин».

Ирина смотрела на нее с ужасом и уважением. «Ты не дойдешь одна. Их там... как тараканов».

«Я знаю. Но иного выхода нет. Не говори Андрею. Он пойдет за мной, или не даст мне уйти. А дети останутся одни».

Они просидели над блокнотом полчаса при свете фонарика. Ирина выписывала названия, рисовала упаковки. «Глюкометры, тест-полоски, ланцеты. Инсулин – любой, но смотри на тип и сроки. Шприцы. Сахароснижающие таблетки, если инсулина нет – глибенкламид, метформин. Антисептики. Шприцы, много шприцев».

Лика заучивала, как молитву. Потом она собрала свой рюкзак: остатки еды, вода, фонарь, нож, монтировка, которую незаметно взяла у спящего Андрея. Она надела темную, нешумную одежду. Написала на клочке бумаги: «Не волнуйся. Вернусь к вечеру. Береги детей. Люблю». И положила записку Андрею на подушку.

Перед самой дверью шлюза ее остановил майор Стрельцов. Он не спал, дежурил у мониторов (которые показывали лишь статику с наружных камер).

«Дурная затея, гражданка, – буркнул он, не глядя на нее. – Но я не вправе останавливать Жуков!»

Лейтенант, дремавший в углу, вскочил.

«Сопроводить до окраины леса. Прикрыть, если что. И... дай ей „сигналку“. – Стрельцов протянул Лике стартовый пистолет с одной ракетницей. – Красная ракета – помощь не жди, беги. Зеленая – жди подмогу. Не геройствуй. Твоим детям отец нужнее, чем героическая мать».

Лика кивнула, сжав в руке холодный металл пистолета. Жуков молча проверил автомат, кивнул ей: «Пошли».

Дверь шлюза с шипением приоткрылась, впусив щель серого, предрассветного света. Запах леса, свободы и смерти ворвался внутрь. Лика сделала последний глубокий вдох воздуха убежища и шагнула наружу, в мир, который теперь принадлежал мертвецам. Ее путь лежал в аптеку, в самое сердце зараженного поселка. Чтобы выжить, ей предстояло пройти через ад.

Цена таблеток

Тени леса

Рассвет застал их уже в глубине леса. Жуков двигался бесшумно, как тень, указывая Лике, где ступать, чтобы не хрустнула ветка. Его молодое лицо было серьезным и сосредоточенным. Он был солдатом, оказавшимся в войне без флага и родины.

«Вон там, за ручьем, начинается поселок, – прошептал он, приседая за стволом сосны. – Аптека на центральной, у старого ДК. Поликлиника в переулке, но там, скорее всего, уже все разнесли. В аптеке есть решетки, может, целее».

Лика кивнула, глотая комок в горле. Ее тело просило инсулина уже сейчас, как назойливый, предательский зов. Она чувствовала сухость во рту, легкую слабость в ногах – первые звоночки.

«Спасибо, лейтенант. Дальше я сама».

«Майор приказал прикрыть. Я буду здесь, на опушке, до 16:00. Увидишь скопление – не лезь. Вернешься. Понимаешь? Твои дети...» Он не договорил, но смысл был ясен: живая мать-инвалид лучше мертвой героини.

Она еще раз кивнула и, сторбившись, побежала от дерева к дереву, к развалинам старого забора, обозначавшим границу поселка Солнечный.

Поселок был мертв. Но не тих. Тишину разрывали далекие крики (человеческие? уже нет?), вой сирен, доносившийся неизвестно откуда, и тот самый постоянный, низкий гул – звук множества ног, волочащихся по асфальту. Воздух пах гарью, разложением и странной, сладковатой химической отдушкой, которую Лика узнала бы из тысячи – дезинфектант. Его использовали тоннами в первые часы, пытаясь остановить неизвестное.

Она двигалась по задворкам, через огороды, заваленные хламом и игрушками. В одном дворе на качелях, медленно раскачиваясь от ветра, сидела маленькая фигурка в розовой куртке. Лика замерла, сердце упало. Но девочка не двигалась. Голова была неестественно запрокинута, а с качелей на землю капала темная жидкость. Лика отвернулась и побежала дальше, давась рыданиями, которые не могла себе позволить.

Аптека «дар»

Аптека действительно была за решеткой. И витрины были целы. Но дверь была выбита. Из темного проема несло запахом лекарств, крови и чего-то гнилостного.

Ли́ка прижалась к стене соседнего магазина «Продукты», который был разграблен вдребезги. Ее план был прост и безумен: проскользнуть внутрь, быстро найти нужное, уйти. Но план не учитывал, что внутри может быть кто-то еще. Живой или нет.

Из-за угла вышла фигура. Медленная, шаркающая. Мужчина в разорванном лабораторном халате, забрызганном темными пятнами. Ли́ка чуть не вскрикнула, прижав ладонь ко рту. Она узнала его. Это был Сергей Петрович, фармацевт из этой самой аптеки. Спокойный, улыбочивый дядька, который всегда советовал, какой сироп от кашля лучше для Артема. Теперь нижняя часть его лица была разорвана, обнажая скулу и зубы в вечной, жуткой ухмылке. Он бродил перед входом, как страж.

Обходного пути нет, – пронеслось в голове Ли́ки. Нужно было его отвлечь или... пройти сквозь него. Рука сжала монтировку. Она никогда никого не била, кроме как на тренировках по самообороне, которые казались ей ненужной игрой.

Она нагнулась, подняла с земли полкирпича и швырнула его в витрину «Продуктов» через дорогу. Грохот разбитого стекла прокатился эхом по улице. Сергей Петрович замер, затем его голова медленно повернулась в сторону звука. Он издал низкое рычание и поплелся через дорогу, наклоняясь, словно пытаясь понять источник шума.

Сейчас!

Ли́ка рванула к темному проему двери аптеки. Запах ударил в нос – резкий, невыносимый. Внутри царил хаос. Стеллажи опрокинуты, лекарства рассыпаны по полу, смешаны с битым стеклом и бурными подтеками. За прилавком валялось тело в форме охранника, вернее, то, что от него осталось.

Она включила фонарик, прикрыв ладонью, чтобы луч был уже. Ползала по полу, сметая в рюкзак все, что напоминало упаковки с инсулином, шприцы, глюкометры. Руки дрожали. Левемир, Хумулин, НовоРапид... Сроки, сроки! Большинство флаконов были разбиты или украдены. В морозильной камере для вакцин (к счастью, на резервном питании) она нашла три целых упаковки. Две – ее тип! Срок годности в порядке. Она чуть не закричала от облегчения. Набрала также тест-полосок, ланцетов, пару глюкометров про запас. Рюкзак тяжелел.

И тут она услышала стон. Не с улицы. Из-за прилавка, из служебной комнаты.

«Помогите... мы не укушены»

«Кто здесь?» – сорвавшимся шепотом спросила Лика, направляя луч света в полуоткрытую дверь.

В маленькой комнатке для персонала, среди разбросанных бумаг и пустых кружек, сидели двое. Молодой парень и девушка, прижавшиеся друг к другу. На вид – студенты. Девушка была бледна как смерть, ее нога, обернутая окровавленной тряпкой, была неестественно вывернута. Парень прикрывал ее собой. В его глазах читался животный ужас.

«Тихо! Ради Бога, тихо! – прошипел парень. – Они на улице!»

«Вы ранены?» – спросила Лика, делая шаг вперед. Инстинкт врача пересилил осторожность.

«Нога... я упала, сломала, наверное, – сквозь зубы сказала девушка. – Помоги нам. Уведи отсюда. Мы не укушены! Клянемся!»

Лика колебалась. Помочь? Как? Девушка не могла идти. А парень... он смотрел на рюкзак с лекарствами голодным взглядом.

«У вас есть обезболивающее? Антибиотики?» – спросил он.

«Есть, – осторожно ответила Лика. – Но мне нужно идти. У меня свои... свои люди ждут».

В этот момент луч ее фонаря скользнул по руке девушки, лежавшей на полу. Из-под манжеты растянутого свитера виднелся край раны. Но не ровный, как от падения или пореза. Рваный. С четкими, полукруглыми отметинами. Как от зубов. И ткань вокруг раны была пропитана не яркой кровью, а темной, почти черной субстанцией.

Ложь. Они лгали.

У Лики перехватило дыхание. Она отступила на шаг.

«Вы... вы укушены», – не произнесла, а выдохнула она.

Парень вскочил, его лицо исказила гримаса ярости и отчаяния. В руке у него блеснул нож, кухонный, с широким лезвием.

«Отдай рюкзак! Отдай лекарства! Она... ей просто плохо! Это не укус!»

«Это укус, – холодно, своим „лабораторным“ голосом сказала Лика. – Я знаю, как это выглядит. Она умрет. Или станет одной из них. Вам нужны не антибиотики, а...» Она не договорила. Пулю. Но у нее ее не было.

«Врешь!» – парень бросился на нее, нож нацелен в живот.

Лика инстинктивно отпрянула, зацепилась за опрокинутый стеллаж и упала. Рюкзак отлетел в сторону. Парень не стал добивать ее, он набросился на рюкзак, жадно расстегивая молнии. В этот момент девушка на полу застонала. Стон был уже другим – глубоким, хриплым, нечеловеческим. Ее тело задрожало в конвульсиях.

«Лена! Лена, держись!» – закричал парень, бросаясь к ней. Но было поздно. Глаза девушки открылись. Они были мутными, белесыми. Она смотрела на своего парня без тени узнавания. И медленно, с хрустом выправляя сломанную ногу, начала подниматься.

Парень замер в ужасе, роняя нож. «Лена... милая... нет...»

Лика вскочила, схватила рюкзак. Она должна была бежать. Сейчас. Но дверь в торговый зал была перекрыта. Сергей Петрович, фармацевт, привлеченный криком, стоял в проеме, загораживая выход. Он повернул голову в сторону звука драки, его жуткая ухмылка, казалось, стала еще шире.

Она оказалась в ловушке между двумя мертвецами – одним старым и одним рождающимся на ее глазах.

Лицо из прошлого

Адреналин – природный сахар. Он вбросил в ее кровь глюкозу, прояснил сознание. Она огляделась. Кроме двери в зал, была еще одна – с табличкой «Склад. Посторонним вход воспрещен». Лица рванула к ней. Заперта. Она изо всех сил ударила монтировкой по замку. Раз, другой. С треском он поддался.

Она ворвалась на склад, захлопнула дверь и прислонила к ней тяжелую коробку с пленками. Дышала, как загнанный зверь. Здесь пахло пылью и химикатами. Стеллажи уходили в темноту. Она включила фонарь.

И увидела его.

В дальнем углу, заваленный пустыми коробками, сидел Игорь. Ее ассистент. Его халат был в страшных разводах, лицо – маска из засохшей крови и гноя. Но она узнала его. Узнала по торчащему вихру непослушных волос, по характерной родинке над бровью. Он сидел, склонив голову на грудь, и что-то перебирал в руках. Ее фонарь выхватил из мрака этот предмет. Пластиковая карточка-пропуск в «Вектор-М». Его пропуск. Он водил по нему пальцами, словно слепой, пытаясь прочесть рельефные буквы.

Он не заметил ее. Или пока не заметил. Он был поглощен этим последним, жалким сколком своей человеческой жизни.

Лица замерла. Все в ней онемело. Вина, холодная и тошнотворная, накрыла с головой. Это она взяла его в ассистенты. Она не проконтролировала, не проверила перчатки. Она отправила его в дезкамеру, но было уже поздно. Он стал первым звеном в цепочке, которая привела к концу света. И вот он здесь. Ее личный демон, ее живой (нет, мертвый) упрек.

Игорь поднял голову. Его мутные глаза медленно сфокусировались на свете. На ней. В них не вспыхнула ярость или голод. В них было пустое, бездумное любопытство. Он открыл рот, из которого капнула черная слюна, и издал тихий, вопросительный стон. Почти как раньше, когда он не понимал условие задачи.

За дверью послышались удары и рычание. «Лена» и фармацевт нашли друг друга? Или они пытаются пробиться сюда?

Игорь встал. Неуклюже, как кукла. Он сделал шаг к ней. Потом еще. Он шел медленно, все так же перебирая в пальцах пропуск.

Лица отступала, пока не уперлась спиной в стеллаж. Пути к отступлению не было. В одной руке – монтировка. В другой – стартовый пистолет. Она могла выстрелить ракетой, но в замкнутом пространстве это было самоубийством. Огонь, дым... они сгорят заживо.

Игорь был уже в двух шагах. Она видела каждую деталь его искаженного лица. Видела, как его рука с пропуском медленно поднялась, потянулась к ней. Не чтобы схватить. Словно чтобы отдать. Отдать этот символ их общей погибшей жизни.

«Прости, – прошептала Лица. – Прости, Игорь».

И со всей силы, зажмурившись, она ударила его монтировкой по голове. Удар был тупым, тяжелым. Раздался ужасный, влажный звук. Он рухнул на колени, потом на бок. Его тело дернулось раз, другой и затихло. Пропуск выпал из ослабевших пальцев и покатился по полу, остановившись у ее ног.

Лица стояла над ним, трясясь в немой истерике. Она только что убила человека. Точнее, то, во что он превратился. Но разница стиралась. За дверью бились и выли уже двое. Нужно было выбираться. Сейчас.

Она заметила на стене маленькое, грязное оконце под потолком, вероятно, для вентиляции. Оно вело в задний дворик. Подставив ящики, она с трудом влезла в него, царапая кожу о ржавую раму, и вывалилась в кусты разросшейся сирени.

Двор был пуст. Заглушая рыдания, она побежала, не разбирая дороги, назад к лесу, к опушке, где должен был ждать Жуков. Рюкзак с инсулином бил ее по спине, как метроном, отсчитывающий удары ее преступного, спасительного сердца. Она спасла себя и своих детей. Ценой жизни ассистента. Ценой кусочка своей души. Теперь она жила по новым правилам: выживает тот, кто способен сделать невозможный выбор. И она только что сделала его.

Пустота

Дорога назад сквозь пелену

Обратный путь слился в один сплошной кошмарный коридор. Лес, прежде скрывавший ее, теперь казался враждебным лабиринтом. Каждый шорох ветки принимался за приближающийся шаркающий шаг, каждый крик вороны – за человеческий стон. Но хуже всего были звуки внутри. В ушах по-прежнему стоял влажный хруст от удара монтировкой, и перед глазами плясало лицо Игоря в последний миг – не злобное, а потерянное.

Она бежала, спотыкаясь о корни, чувствуя, как слабость от гипогликемии и дикого стресса начинает подкашивать ноги. Где-то на полпути она рухнула на колени у старого пня, срывающимся дыханием выглотнула очередной гель и, трясущимися руками, наконец, сделала себе укол инсулина из нового флакона. Уколола чуть больше нормы – на перестраховку. Тело дрожало, но постепенно внутренний тремор начал стихать, уступая место ледяной, пугающей ясности.

Жуков. Он должен быть на опушке.

Она нашла его там, где и договаривались. Он сидел, прислонившись к сосне, автомат на коленях. Увидев ее, испуганную, перепачканную грязью и темными пятнами (не ее ли это кровь? Нет, не ее), он вскочил.

«Жива! Слава Богу. Получилось?»

Она лишь кивнула, похлопав по рюкзаку. Говорить не было сил.

«Пошли быстрее. У вас тут... беспокойно. Пару раз они близко подходили. Чували, что ли».

Они почти бежали последний километр. Лица молилась, чтобы дверь убежища открылась и она увидела лицо Андрея, услышала голоса детей. Эта картина, яркая и болезненная, гнала ее вперед сильнее любого страха.

И вот, знакомый заросший холм. Стальные двери. Жуков подал условный сигнал – три коротких свистка. Они с Ликой замерли в ожидании ответного звука, щелчка замка, голоса Стрельцова из переговорного устройства.

В ответ – тишина. Глухая, всепоглощающая.

«Стрельцов! Открывайте! Это Жуков и Орлова!» – лейтенант постучал прикладом по металлу. Звук был глухим и одиноким.

Сердце Лики упало в ледяную бездну.

«Может, не слышат?» – выдохнула она, но в голосе уже звучала паника.

Жуков нахмурился, его молодое лицо стало жестким. Он обошел двери, проверяя скрытые датчики. Один из них, тот, что был замаскирован под камень, был разбит. Лейтенант замер, поднял палец к губам. Он приложил ухо к холодной стали двери. Лица, затаив дыхание, последовала его примеру.

Из-за двери не доносилось привычного гула генератора. Не слышно было ни голосов, ни шагов. Только тишина. И еще... едва уловимый, сладковато-медный запах. Запах, который она теперь знала слишком хорошо. Запах свежей крови.

«Что-то случилось, – тихо сказал Жуков. – Держись. Сейчас войдем. У меня есть дубликат кода на крайний случай».

Он ввел длинную комбинацию цифр на клавиатуре, скрытой под слоем грязи. Раздался сухой щелчок. Гидравлика, обычно шумная, прошипела еле слышно и натужно – видимо, аварийный ручной привод. Дверь отъехала на считанные сантиметры, и запах ударил в полную силу – кровь, порох, разлитые химикаты.

Картина ада

Жуков первым проскользнул внутрь, автомат наготове. Лица, забыв про осторожность, рванула за ним.

Шлюз был пуст. Свет аварийных ламп горел тускло и неровно, отбрасывая прыгающие тени. На полу – длинный, широкий мазок крови, как будто кто-то что-то (или кого-то) волок вглубь.

«Не кричи. Иди за мной», – прошептал Жуков, но она уже не слушала.

«Андрей! Даша! Тема!» – ее крик, громкий и отчаянный, отозвался эхом в металлических коридорах. В ответ – тишина.

Они двинулись дальше. Картина разрушения нарастала с каждым шагом. Опрокинутые тумбы в коридоре. Стреляные гильзы, валяющиеся на полу (откуда они? У них почти не было патронов!). Стена возле дизельной в черных подпалинах и запекшейся крови.

Комната фильтров. Здесь было хуже всего. Оборудование было исковеркано, как будто в него врезался грузовик. На полу, в луже масла и темной жидкости, лежало тело майора Стрельцова. Вернее, то, что от него осталось. Его крепкая, солдатская шея была разорвана. В мертвой руке он все еще сжимал обрезок трубы. Рядом валялись два тела в гражданском, незнакомых Лице, с огнестрельными ранами в голове. Кто они? Откуда?

«Господи...», – прошептал Жуков, бледнея. Он наклонился к Стрельцову, попытался нащупать пульс, но сразу отдернул руку. Все было очевидно.

Лица не видела ничего, кроме этого хаоса. Ее разум отказывался складывать кусочки в целое. Она побежала в главный зал, к койкам.

«Андрей! Ребята! Отзовись!»

Зал был пуст. Признаков борьбы здесь почти не было. Койки, на которых они спали, были перевернуты. Рюкзак Даши валялся на полу, его содержимое – одежда, блокнот – рассыпано. А рядом... маленький, малиновый кроссовок Артема. Всего один. Он лежал у ножки койки, как зловещая улика.

Она подняла его, прижала к груди. Он был теплым. Или это ей казалось?

«Нет, нет, нет...» – забормотала она, вращаясь на месте, как раненое животное. Ее взгляд упал на стол, где они ели. На нем лежала записка. Та самая, которую она оставила Андрею: «Не волнуйся. Вернусь к вечеру. Береги детей. Люблю».

Кто-то написал на обороте, дрожащей рукой, уже другим карандашом, почти царапая бумагу: «ЛИКА, НЕ ЗАХОДИ. ОНИ С НАМИ. УХОДИ. ЛЮБЛЮ. А.»

Последнее «Люблю» было написано так небрежно, будто его дописывали на ходу, под чью-то тяжелую руку.

Они с нами.

Что это значило? Захватили? Уводят? Кто такие «они»? Те двое незнакомцев? Или... или уже они..? Но тогда почему их здесь нет? Почему нет тел?

Жуков подошел к ней, положил руку на плечо. «Ликатерина... Их тут нет. Ни живых, ни... других. Только Стрельцов и те двое. Похоже, была перестрелка. Кто-то вломился сюда. Наши или...» Он не договорил.

«Где они?!» – крикнула она ему в лицо, срываясь на истерику. «Куда их увели?! Кто?!»

«Я не знаю, – честно ответил лейтенант. Его глаза бегали по помещению, оценивая. – Но они не могли просто испариться. Если их увели силой... то должны быть следы. Выходы».

Они обыскали убежище вдоль и поперек. Склад – нет. Санузел – нет. Командный пункт... Мониторы разбиты. И тут Жуков заметил. Одна из панелей в полу, обычно плотно пригнанная, была слегка сдвинута. Под ней – люк. Технический колодец, о котором, видимо, знал только Стрельцов. И, судя по свежим царапинам на краях, им недавно пользовались.

Жуков откинул люк. Вниз вела узкая, почти вертикальная лестница в абсолютную темноту. И снова этот запах – крови и страха, уходящий вниз.

«Вентиляционная шахта старого образца, – пробормотал Жуков. – Должна вести к запасному выходу, возможно, за пределы объекта».

Лица уже не думала. Инстинкт матери, заглушивший все остальное, кричал одно: «Вниз!»

«Подожди! – схватил ее за рукав Жуков. – Там может быть засада. Или... они могли просто сбежать этим путем. Но если сбежали, почему не закрыли люк? Почему не оставили знака?»

Он был прав. Это могла быть ловушка. Но для Лицы это был единственный след. Она вырвала руку.

«Я иду. Можешь остаться. Или стреляй мне в спину. Но я иду за ними».

Не дожидаясь ответа, она, прижимая к груди кроссовок сына и сжимая в другой руке мониторку, начала спускаться в черную пасть тоннеля. Теперь ей предстояло спуститься в самую тьму, чтобы найти ответ на единственный вопрос: что она сделает, когда найдет тех, кто забрал ее семью.

Нисхождение

Кишки земли

Лестница в техническом колодце была не лестницей, а скорее, рядом скоб, вбитых в сырую бетонную стену. Они уходили вниз в абсолютную, густую темноту, где даже луч фонаря растворялся, не достигая дна. Воздух был спертым, пахнущим плесенью, ржавчиной и все тем же сладковатым медным запахом, который теперь вел их, как псов по кровавому следу.

Лица спускалась первой, не думая об опасности. Монтировка была заткнута за ремень, фонарик зажат в зубах, освобождая руки для цепкого, отчаянного хватания за скобы. Кроссовок Артема она засунула за пазуху, под куртку. Он давил на грудь, напоминая о сердце, которое готово было выпрыгнуть из нее.

Сверху, прикрывая ее, спускался Жуков. Его дыхание было тяжелым, но ровным. «Тише, – прошептал он. – Звук в таких трубах распространяется на километры».

Они спускались минуту, другую. Пятнадцать метров. Двадцать. Лица потеряла счет времени и глубине. Ее пальцы немели, в висках стучало. И вдруг ее нога не нащупала очередную скобу, а уперлась в что-то мягкое, податливое. Она едва не сорвалась, фонарь выпал из зубов и, звякнув, покатился вниз, выхватывая из мрака на секунду жуткую картину: на небольшой площадке лежало тело. А под ней зиял черный провал, куда фонарь и упал, погаснув с глухим стуком.

Она замерла, повиснув на руках. Сверху светил фонарь Жукова.

«Что там?»

«Труп... – выдавила она. – И дыра. Фонарь упал».

Жуков спустился вплотную к ней. Луч его света уперся в лицо мертвеца. Молодой парень, в камуфляжной форме, но без знаков различия. Охранник из частной компании? Лицо было бледным, но не зараженным. Пулевое отверстие точно посередине лба. Аккуратная, профессиональная работа. В руке он сжимал пистолет. При нем – почти полная обойма.

«Не наш, – тихо сказал Жуков, подбирая оружие и проверяя магазин. – И не военный. Частник. Скорее всего, те, кто ворвались». Он посветил в дыру. Это был обвал. Часть тоннеля рухнула, открывая доступ к чему-то другому – старой кирпичной кладке, возможно, дореволюционного дренажа или забытого хода усадьбы.

«Они прошли здесь, – Лица указала на свежие следы сапог на пыльном полу и темные капли на кирпичах обвала. – Их было несколько. И они тащили кого-то... или что-то». Следы волочения были отчетливы.

Жуков первым пролез в пролом. За ним, стиснув зубы, протиснулась и Лица. Пространство сузилось до узкой, сырой трубы, где приходилось идти почти на корточках. Воздух стал еще тяжелее. И тут Лица услышала звук. Не стон, не крик. Приглушенный, далекий плач. Детский плач.

Ее кровь застыла. Артем.

Она рванулась вперед, не обращая внимания на окрик Жукова. Кирпичи цеплялись за одежду, царапали кожу. Плач то усиливался, то затихал, будто доносился по прихотливым лабиринтам вентиляции.

Каменный мешок

Тоннель вывел их в низкое, обшитое почерневшим деревом помещение. Погреб? Старая винотека усадьбы? В центре комнаты стоял деревянный стол, на нем – коптилка, чадившая жирным черным дымом. И вокруг стола – люди.

Их было пятеро. Трое мужчин и две женщины. Они не были похожи на выживших дачников или беженцев. Одежда – темная, практичная, камуфляж смешан с городским casual. У одного – короткоствол за поясом, у другой – самодельная дубинка с гвоздями. Их лица были жесткими, глаза – оценивающими, хищными. И в этих глазах не было ни капли того коллективного безумия, что было у зараженных. Здесь был холодный, расчетливый разум.

На полу, в углу, под присмотром худощавой женщины с обрезком трубы, сидели Даша и Артем. Дочь прижимала к себе брата, его лицо было заплаканным и грязным. Даша же смотрела на вошедших не со страхом, а с яростной, молчаливой ненавистью. На щеке у нее краснел свежий синяк. Артем был без одного кроссовка.

Лица издала звук, нечто среднее между стоном и рыком, и бросилась к детям. Ее остановил удар прикладом в грудь. Сильный, точный. Она отлетела к стене, закашлявшись.

«Мама!» – крикнули дети хором, но женщина с трубой грубо пригнула Дашу головой к полу.

«Тише, цыплята. Взрослые разговаривают», – сказал человек за столом. Он был старше других, с бритой головой и умными, холодными глазами крысы. Его называли Кротом. Он был тем, кто знал все старые тоннели и коммуникации в округе. Еще до Катаклизма он промышлял воровством и сбытом краденого, а теперь его знания стали стратегическим ресурсом.

«Кого Бог послал? – спросил Крот, разглядывая Жукова и Лику. – Вояка и... мамаша? Интересная парочка».

«Отпустите моих детей, – хрипло сказала Лица, с трудом поднимаясь. – У нас есть лекарства. Можете взять все».

«Лекарства? – Крот усмехнулся. – Это хорошо. Но нам нужно кое-что поважнее. Информация».

Жуков стоял вполоборота, оценивая расстояние до противников, их вооружение. Пять на одного. Шансов почти нет. Но он не опускал автомат.

«Какая информация? Вы кто?»

«Мы – новая администрация, – улыбнулся Крот. – А информация простая. Ты, вояка, откуда? Часть? Склад? Где твой? И ты, – он ткнул пальцем в Лику, – ты из того самого центра, да? Из „Вектора“?»

Ледяная рука сжала ее внутренности. Они знали.

«Я... я не понимаю».

«Не ври. Мы нашли пропуска у твоего мужа. Андрей Орлов, да? Он долго не разговаривал, но когда мы начали... возиться с детками, он стал очень сговорчивым».

Лица почувствовала, как мир плывет. Андрей. Где Андрей?

«Что вы с ним сделали?»

«Пока ничего. Он нам нужен. И ты нам нужна. Вы же ученые, да? Вы знаете, что это. И, может, знаете, как от этого защититься. Или как это обратить себе на пользу».

Один из бандитов, коренастый, с татуировкой паука на шее, заговорил: «Крот, смотри, она же вся в крови. Может, укушена?»

Все насторожились. Крот прищурился.

«Проверить».

Женщина с трубой и еще один мужчина направились к Лике. У нее не было выбора. Она выхватила из-за пазухи кроссовок и швырнула его в лицо женщине: «Держи! Он твой!»

В замешательстве, женщина инстинктивно поймала обувь. Этой секунды хватило Лике. Она рванулась не к детям, а к столу, к коптилке. И опрокинула ее.

Горящее масло разлилось по дереву, вспыхнул скатерть. Огонь, жаркий и яростный, взметнулся к потолку. В комнате поднялась паника. Крики: «Пожар! Туши!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.